

Осип Мандельштам

Стихотворения. 1908-1937
ГГ.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М23

M23 **Мандельштам О.**
Стихотворения. 1908-1937 гг. / Осип Мандельштам – М.: Книга по Требованию,
2012. – 74 с.

ISBN 978-5-458-03845-4

Осип Мандельштам (1891–1938) — одна из ключевых фигур русской культуры XX века, ее совершенно особый и самобытный поэтический голос. «В ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост», — так определял Мандельштам особенность своей прозы с ее афористичной, лаконичной, плотной языковой тканью.

ISBN 978-5-458-03845-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Мандельштам Осип
Стихотворения
(1908-1937)

Мандельштам Осип
С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

1 9 0 8 - 1 9 3 7

3

Только детские книги читать, Только детские думы лелеять, Все
большое далеко развеять, Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал, Ничего от нее не приемлю, Но
люблю мою бедную землю, Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду На простой деревянной качели, И вы-
сокие темные ели Вспоминаю в туманном бреду.

1908

Звук осторожный и глухой Плода, сорвавшегося с дерева, Среди
немолчного напева Глубокой тишины лесной...

1908

Сусальным золотом горят В лесах рождественские елки, В кустах
игрушечные волки Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль, О, тихая моя свобода И неживого небосво-
да Всегда смеющийся хрусталь!

1908

Дано мне тело - что мне делать с ним, Таким единым и таким
моим?

За радость тихую дышать и жить Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок, В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло Мое дыхание, мое тепло.

4

Запечатлеется на нем узор, Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть Узора милого не зачеркнуть.

1909

Сквозь восковую занавесь, Что тихо так сквозит, Кустарник из
тумана весь Заплаканный глядит. Простор, канвой окутанный, Без-
жизненней кулис, И месяц весь опутанный Беспомощно повис.
Темнее занавеситься; Все небо охватить: И пойманного месяца
Назад не отпустить.

1909

Мне стало страшно жизнь отжить И с дерева, как лист, отпрянуть,
И ничего не полюбить, И безымянным камнем кануть; И в пустоте,
как на кресте, Живую душу распиная, Как Моисей на пустоте, Ис-
чезнуть в облаке Синая. И я слежу - со всем живым Меня связующие
нити, И бытия узорный дым На мраморной сличаю плите; И содро-
ганья теплых птиц Улавливаю через сети, И с истлевавших страниц
Притягиваю прах столетий.

1909-1910 ?

Озарены луной кочевья Бесшумной мыши полевой. Прозрачны-
ми стоят деревья, Овеянные темнотой, Когда рябина, развивая Ли-
сты, которые умрут, Завидует, перебирая

5

Их выхоленный изумруд, Печальной участи скитальцев И неж-
ной участи детей; И тысячи зеленых пальцев Колеблет множество
ветвей. На влажный камень возведенный, Амур, печальный и нагой,
Своей младенческой ногой Переступает, удивленный

Тому, что в мире старость есть, Зеленый мох и влажный камень,
И сердца незаконный пламень Его ребяческая месть.

И начинает ветер грубый В наивные долины дуть; Нельзя доста-
точно сомкнуть Свои страдальческие губы.

1909-1910 ?

Дыханье вещее в стихах моих Животворящего их духа, Ты
прикасаешься сердец каких Какого достигаешь слуха?

Или пустыннее напева ты Тех раковин, в песке поющих, Что круг
очерченной им красоты Не разомкнули для живущих?

1909-1910 ?

В изголовье черное распятие, В сердце жир и в мыслях пустота
И ложится тонкое проклятье Пыльный след - на дерево креста.

Ах, зачем на стеклах сон морозный Так похож на мозаичный сон!
Ах, зачем молчанья голос грозный Безнадежной негой растворен!

И слова евангельской латыни Прозвучали, как морской прибой;
И волной нахлынувшей святыни Поднят был корабль безумный мой.

6

Нет, не парус, распятый и серый, С неизбежностью меня влечет
Страшен мне "подводный камень веры", Роковой ее круговорот!

ноябрь 1910

..... На пальмовой верхушке Отмечает листья
ветер тонкий. Неразрывно связанный с другими, Каждый лист ко-
леблется отдельно. Но в порывах ткани беспредельно И мирами
вызвано иными Только то, что создано землею. Длинные трепещу-
щие нити, В тщетном ожидании наитий Шелестящие своей длиною.

1910

Ни о чем не нужно говорить, Ничему не следует учить, И печаль-
на так и хороша Темная звериная душа: Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить И плывет дельфином молодым По седым
пучинам мировым.

1909

SILENTIUM

Она еще не родилась, Она - и музыка, и слово, И потому всего
живого Ненарушенная связь. Спокойно дышат моря груди, Но, как
безумный, светел день И пенны бледная сирень В черно-лазоревом
сосуде. Да обретут мои уста Первоначальную немоту, Как кристал-
лическую ноту, Что от рождения чиста! Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись, И, сердце, сердца устыдись, С первоосно-
вой жизни слито!

7

Когда удар с ударами встречается, И надо мною роковой,
Неутомимый маятник качается И хочет быть моей судьбой,

Торопится и грубо остановится, И упадет веретено, И невозмож-
но встретиться, условиться, И уклониться не дано.

Узоры острые переплетаются, И, все быстрее и быстрей Отрав-
ленные дротики взвиваются В руках отважных дикарей...

И вереница стройная уносится С веселым трепетом, и вдруг
Одумалась и прямо в сердце просится Стрела, описывая, круг.

1910

Слух чуткий парус напрягает, Расширенный пустеет взор, И
тишину переплывает Полночных птиц незвучный хор.

Я также беден, как природа, И также прост, как небеса, И при-
зрачна моя свобода, Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный И небо, мертвенней холста, Твой мир,
болезненный и странный, Я принимаю, пустота!

1910

Анне Ахматовой

Как черный ангел на снегу, Ты показалась мне сегодня, И утаить я не могу, Есть на тебе печать господня.

Такая странная печать Как бы дарованная свыше

Что, кажется, в церковной нише Тебе назначено стоять.

Пускай нездешняя любовь С любовью здешней будут слиты,
Пускай бушующая кровь Не перейдет в твои ланиты.

8

И пышный мрамор оттенит Всю призрачность твоих лохмотий,
Всю наготу нежнейшей плоти, Но не краснеющих ланит.

1910

Ты прошла сквозь облако тумана. На ланитах нежные румяна.
Светит день холодный и недужный. Я брожу свободный и ненужный...
Злая осень ворожит над нами, Угрожает спелыми плодами,
Говорит вершинами с вершиной И в глаза целует паутиной. Как
застыл тревожной жизни танец! Как на всем играет твой румянец!
Как сквозит и в облаке багряна Ярких дней зияющая рана.

Змей

Осенний сумрак - ржавое железо Скрипит, поет и разъедает плоть... Что весь соблазн и все богатства креза Пред лезвием твоей тоски, господь! Я как змей танцующей измучен И перед ней, тоскуя, трепещу, Я не хочу души своей излучин, И разума, и музы не хочу. Достаточно лукавых отрицаний Распутывать извилистый клубок; Нет стройных слов для жалоб и признаний, И кубок мой тяжел и неглубок. К чему дышать? На жестких камнях пляшет Большой удав, свиваясь и клубясь, Качается, и тело опояшет, И падает, внезапно утомясь. И бесполезно, накануне казни, Видением и пеньем потрясен, Я слушаю, как узник, без боязни Железа визг и ветра темный стон!

1910

9

Анне Ахматовой

Вы хотите быть игрушечной, Но испорчен ваш завод, К вам никто на выстрел пушечный Без стихов не подойдет.

1911

Дождик ласковый, тихий и тонкий, Осторожный, колючий, сле-

пой, Капли строгие скучны и звонки И отточен их звук тишиной.

То - так счастливы счастием скромным, Что упасть на стекло удалось; То, как будто, подхвачена темным Ветром, струя уносится вскось.

Тайный ропот, мольба о прощеньи; Я люблю непонятный язык!
И сольются в одном ощущеньи Вся жестокость, вся кротость, на миг.

В цепких лапах у царственной скучки Сердце сжалось, как маленький мяч: Полон музыки, музы и муки Жизни тающей сладостный плач!

22 августа 1911

Смутно дышащими листьями Черный ветер шелестит, И трепещущая ласточка В темном небе круг чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом Умирающем моем Наступающие сумерки С догорающим лучом.

И над лесом вечереющим Стала медная луна. Отчего так мало музыки И такая тишина?

1911

10

Раковина

Быть может, я тебе не нужен, Ночь; из пучины мировой, Как раковина без жемчужин, Я выброшен на берег твой. Ты равнодушно волны пенишь И несговорчиво поешь, Но ты полюбишь, ты оценишь Ненужной раковины ложь. Ты на песок с ней рядом ляжешь, Оденешь ризою своей, Ты неразрывно с нею свяжешь Огромный колокол зыбей, И хрупкой раковины стены, Как нежилого сердца дом, Наполнишь шепотами пены, Туманом, ветром и дождем...

1911

Воздух пасмурный влажен и гулок. Хорошо и не страшно в лесу. Легкий крест одиноких прогулок Я покорно опять понесу. И опять к равнодушной отчизне Дикой уткой взовьется упрек, Я участвую в сумрачной жизни, Где один к одному одинок! Выстрел грянул. Над озером сонным Крылья уток теперь тяжелы, И двойным бытием отраженным Одурманены сосен стволы. Небо тусклое с отсветом странным Мировая туманная боль О, позволь мне быть также туманным И тебя не любить мне позволь.

1911

11

О небо, небо, ты мне будешь сниться! Не может быть, чтоб ты
совсем ослепло, И день сгорел, как белая страница: Немного дыма
и немногого пепла!

1911

Как кони медленно ступают, Как мало в фонарях огня! Чужие
люди, верно, знают, Куда везут они меня.

А я вверяюсь их заботе. Мне холодно, я спать хочу. Подбросило
на повороте Навстречу звездному лучу.

Горячей головы качанье И нежный лед руки чужой, И темных
елей очертанья, Еще невиданные мной.

1911

Я ненавижу свет Однообразных звезд. Здравствуй, мой древний
бред, Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь, И паутиной стань, Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань!

Будет и мой черед, Чую размах крыла. Так, но куда уйдет Мысли
живой стрела?

Или, свой путь и срок, Я, исчерпав, вернусь: Там - я любить не
мог, Здесь - я любить боюсь...

1912

12

Золотой

Целый день сырой осенний воздух Я вдыхал в смятеньи и тоске.
Я хочу поужинать, и звезды Золотые в темном кошельке! И, дрожа от
желтого тумана, Я спустился в маленький подвал. Я нигде такого
ресторана И такого сброва не видал! Мелкие чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны... За прилавком щупает червонцы Человек,-
и все они пьяны. "будьте так любезны, разменяйте, Убедительно его
прошу, Только мне бумажек не давайте Трехрублевок я не выношу!"
Что мне делать с пьяною оравой? Как попал сюда я, боже мой? Если
я на то имею право, Разменяйте мне мой золотой!

1912

Образ твой, мучительный и зыбкий, Я не мог в тумане осязать.
"господи!" - Сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать. Божье
имя, как большая птица, Вылетело из моей груди. Впереди густой
туман клубится, И пустая клетка позади.

1912

Нет, не луна, а светлый циферблат Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность? И Батюшкова мне противна
спесь: "который час?" - Его спросили здесь, А он ответил любопыт-
ным: "вечность".

13

Петербургские строфы

Н. Гумилеву

Над желтизной правительственныех зданий Кружилась долго
мутная метель, И правовед опять садится в сани, Широким жестом
запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На пристеке Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, - как броненосец в доке, Россия отыхает тяжело.

А над Невой - посольства полумира, Адмиралтейство, солнце,
тишина! И государства жесткая порфира, Как власяница грубая,
бедна.

Тяжка обуза северного сноба Онегина старинная тоска; На пло-
щади сената - вал сугроба, Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки, Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница. Самолюбивый, скромный пе-
шеход, Чудак Евгений бедности стыдится Бензин вдыхает и судьбу
клянет!

1913

В таверне воровская шайка Всю ночь играла в домино. Пришла
с яичницей хозяйка; Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры: Которая из них урод? А утром про-
поведник серый В палатки призывал народ.

На рынке возятся собаки, Менялы щелкает замок. У вечности
ворует всякий, А вечность - как морской песок.

14

Он осипается с телеги, Не хватит на мешки рогож. И, недоволь-
ный, о ночлеге Монах рассказывает ложь.

1913

Отравлен хлеб, и воздух выпит: Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет, Не мог сильнее тосковать. Под звезд-
ным небом бедуины, Закрыв глаза и на коне, Слагают вольные бы-

лины О смутно пережитом дне. Немного нужно для наитий: Кто потерял в песке колчан, Кто выменял коня, - событий Рассеиваются туман. И, если подлинно поется И полной грудью, наконец, Все исчезает - остается Пространство, звезды и певец!

1913

Кинематограф

Кинематограф. Три скамейки. Сантиментальная горячка. Аристократка и богачка В сетях соперницы-злодейки. Не удержать любви полета: Она ни в чем не виновата! Самоотверженно, как брата, Любила лейтенанта флота. А он скитаются в пустыне, Седого графа сын побочный. Так начинается лубочный Роман красавицы-графини. И в исступленье, как гитана, Она заламывает руки. Разлука. Бешеные звуки Затравленного фортельяно. В груди доверчивой и слабой Еще достаточно отваги Похитить важные бумаги Для неприятельского штаба. И по каштановой аллее

15

Чудовищный мотор несется. Стрекочет лента, сердце бьется Тревожнее и веселее.

В дорожном платье, с саквояжем, В автомобиле и в вагоне, Она боится лишь погони, Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость: Цель не оправдывает средства! Ему - отцовское наследство, А ей - пожизненная крепость!

1913

Домби и сын.

Когда, пронзительнее свиста, Я слышу английский язык, Я вижу Оливера Твиста Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите, Что было в лондоне тогда: Контора Домби в старом Сити И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый И нежный малчик Домби-сын. Веселых клерков каламбуры Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья, На шиллинги и пенсы счет; Как пчелы, выполетев из улья, Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало Работает в табачной мгле, И вот, как старая мочала, Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы: Ему ничем нельзя помочь! И клетчатые панталоны, Рыдая, обнимает дочь.

1914

16
